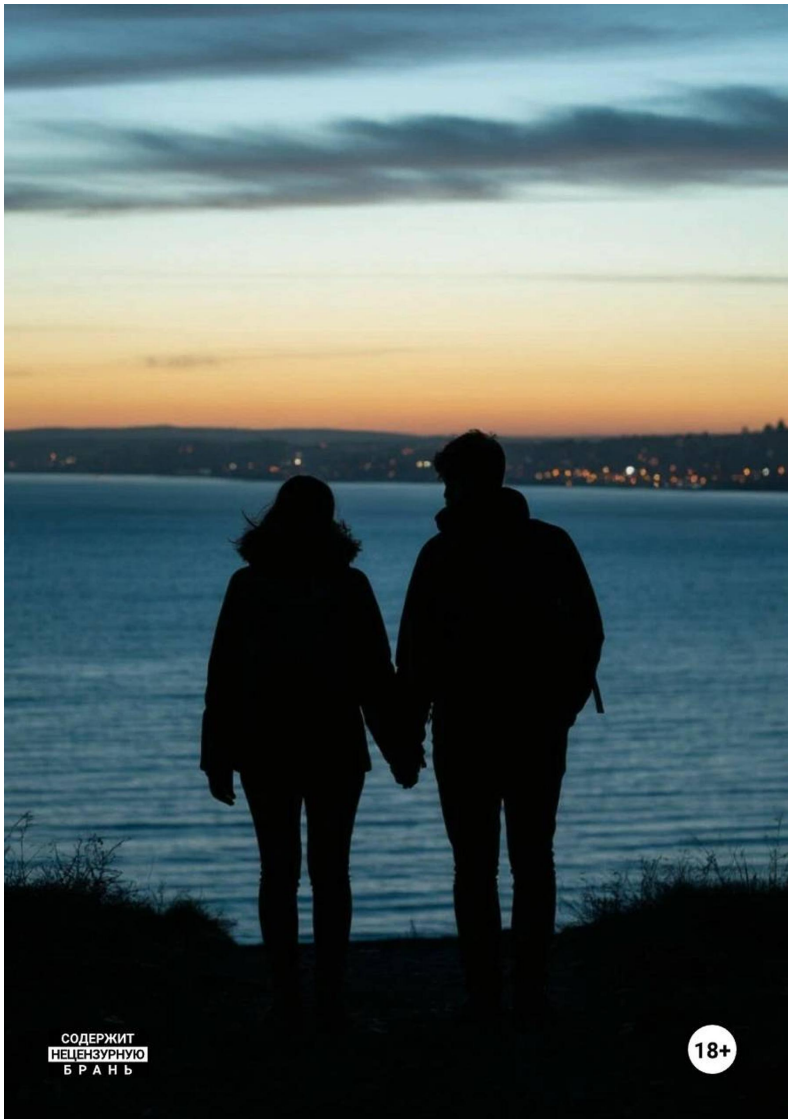

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алина Темержанова

Пустошь: Финал

<https://litres.ru/74196452>

SelfPub; 2026

Аннотация

Память — странная штука. Она возвращается без спроса, обрывками, голосами, лицами. И чем яснее становится картинка, тем труднее притворяться, что всё в порядке.

Алина Темержанова

Пустошь: Финал

«Может стать достаточно уязвимым и является смыслом жизни?»

Герда

Сознание возвращалось рывками. Тело всплывало над глубиной черни, но руки соскальзывали, и она снова тонула. Герда цеплялась за обрывки ощущений: холод металла на запястьях, тупая боль в затылке, далёкий монотонный писк. Она попробовала пошевелиться. Широкие кожаные полосы охватывали запястья и лодыжки, ещё одна перехлёстывала грудь, вдавливая в жёсткую кушетку. Пряжки позвякивали при каждой попытке освободиться, но не поддавались ни на сантиметр.

Помещение тонуло в полумраке. Свет сочился только из коридора, через узкое зарешечённое окошко в массивной двери, и ложился на пол бледными полосами, выхватывая из темноты, то край кафельной плитки, то угол застеклённого шкафа с инструментами. Пахло старым лакированным деревом и карболкой. Потолок над ней был высоким, с лепниной по углам и трещиной, пересекающей его наискосок от люстры до дальней стены.

Память обрывалась там, где гул турбин стоял в ушах, а

в иллюминаторе плыли облака, подсвеченные закатом. Она сидела у окна, пристегнув ремень, стюардесса катила тележку с напитками, и всё это было лишено тревоги. Впереди ожидалось только лучшее: другая страна, жизнь, побег от всего, что душило её в родительском доме.

А дальше зияла пропасть, в которую проваливалось всё, что должно было быть между самолётом и неизвестным помещением. Герда чувствовала, что забыла нечто жизненно важное, но сколько ни вглядывалась в темноту, та не отдавала ничего.

Она опустила взгляд на собственное тело. Запястья, стянутые ремнями, стали такими тонкими, что кожаная полоса охватывала их с запасом, хотя пряжка была затянута до последней дырки. Кости запястий проступали под кожей отчётливо, с детали механизма, которые раньше скрывала обшивка, а теперь её содрали, обнажив хрупкую конструкцию. Руки, лежавшие вдоль туловища, не принадлежали ей: предплечья удлиннились неестественно, локти заострились, кожа на сгибах собралась в дряблые складки, будто снятая мерка была на два размера больше. Герда перевела взгляд ниже, насколько позволял ремень, перехватывающий грудь. Ключицы выпирали так, что между ними и подбородком, казалось, не осталось ничего, кроме натянутой кожи. Рёбра угадывались даже сквозь плотную ткань больничной рубашки, в которую её переодели, и каждое из них можно было пересчитать, не прикасаясь.

Её вынули из прежней оболочки и вставили в другое тело. Тоже женское, но изношенное до последней степени, исхудавшее от долгого голода и лишений, которых она не помнила. Герда сжала пальцы в кулак и разжала, наблюдая, как сухожилия перекатываются под истончившейся кожей.

Она попыталась выстроить картину случившегося. Самой простой и логичной версией была авиакатастрофа: самолёт упал, она выжила, но удар отшиб память, а тело, прикованное к больничной койке, истончилось за долгие месяцы комы. Капельницы, питательные растворы, неподвижность — это объясняло и худобу, и чудовищную слабость в мышцах, и провал вместо воспоминаний. Всё складывалось убедительно и Герда уже готова была принять эту версию, когда взгляд снова упёрся в ремни.

Кожаные полосы были грубыми, рассчитанными не на медицинскую фиксацию, а на удержание бунтующего. Пряжки сидели крепко, ремни не провисали, и тот, что перехватывал грудь, был затянут с расчётом на рывок. Если пациентов и фиксируют, то мягкими лентами, не оставляющими следов на коже.

«Как же пить хочется...»

Стул неожиданно выехал из-за ширмы, проехал по кафельному полу и остановился рядом с кушеткой.

Аркадий сидел так, чтобы она видела его лицо. Он был в тёмной рубашке без галстука, ворот расстёгнут на одну пуговицу. Мужчина выглядел уставшим, будто провёл тяжёлый

ночь, но уже знает, что следующая будет легче.

— Ну здравствуй, Герда.

Герда взгляделась в его лицо: высокий лоб, острые скулы, тонкие губы, чёрные волосы, зачёсанные назад. Ни одной приметы, за которую мог бы зацепиться взгляд в пустой памяти.

— И стоило так рисковать ради пары беженцев и одной старухи?

Ответить было нечего. Слова незнакомца повисли в воздухе, лишённые смысла. Выждав немного, он развел руками и поднялся со стула. Колёсики снова прошелестели по кафелю, отъезжая к ширме.

— Ладно, твой выбор сделан.

Он отвернул голову за перегородку, к кому-то обращаясь:

— Поставьте ей систему.

Герда дёрнулась на кушетке, и ремни впились в запястья с новой силой.

— Что вам от меня нужно?! — голос сорвался на крик.

Аркадий отодвинул ширму и скрылся за ней, оставив её одну в полумраке. Оттуда, из глубины кабинета, донёсся приглушённый шепот. Он переговаривался с врачом, и Герда, затаив дыхание, ловила каждое предложение.

— Аркадий Ерофеевич вы уверены? Она слаба, дозу нужно рассчитывать очень аккуратно. Скополамин, мощный препарат.

«ДА КУДА Я ПОПАЛА!?»

Они вышли из-за ширмы одновременно. Аркадий и человек в белом халате, державший в руках металлическую стойку с закреплённой на ней системой. Прозрачный пакет, наполненный жидкостью, слегка покачивался при каждом шаге, а тонкая трубка заканчивалась иглой, с которой ещё не успели снять пластиковый колпачок. Жидкость внутри была бесцветной. Скополамин уже растворился в ней, разошёлся невидимыми молекулами, и ждал, чтобы игла вошла в вену.

Она рванулась на кушетке всем телом, вкладывая в рынок остатки сил. Ремни закрипели, но не поддались, только пряжки звякнули о металлические крепления, и этот звук заметался по кафельным стенам, как пойманная птица. Врач поморщился, перехватил её запястье свободной рукой и прижал к кушетке с неожиданной для такого тщедушного человека силой.

— Не двигайся. Если промажу мимо вены, тебе же хуже будет.

Игла проколола кожу. Когда врач открыл зажим на трубке, холод побежал вверх по руке. Она заговорила сбивчиво, цепляясь за каждую секунду ясного сознания.

— Что это такое?! Вы меня с кем-то спутали, я ничего не сделала! Я ОБЫЧНАЯ СТУДЕНТКА!

Слова вылетали торопливо, наскакивая друг на друга. Аркадий стоял у изножья кушетки, скрестив руки на груди. Мужчина стоял с лицом родителя, что слушает детские оправдания, просто ожидая, когда поток иссякнет.

Вещество действовало быстро. Сначала по телу разлилось приятное тепло, как первая волна горячего чая после долгого холода. Края предметов потеряли чёткость: шкаф с инструментами расплылся тёмным пятном, трещина на потолке раздвоилась и поплыла двумя параллельными линиями, а лицо Аркадия стало двоиться, будто смотришь сквозь запотевшее стекло. Губы онемели, язык стал чужим и неповоротливым. Сознание заволокло туманом, густым и вязким, в котором слова рождались без контроля. Сыворотка правды развязывала язык любому, независимо от воли и выдержки.

Аркадий подошёл ближе и навис над ней, заслоняя собой скудный свет из коридора. Теперь она видела только его лицо, разрезанное тенями на острые плоскости. Он заговорил медленно, растягивая слова, будто давал веществу время добраться до самых глубоких слоёв её сознания.

— Где они прячут Елену?

Имя резануло слух смутно знакомым образом, но мысль ускользнула прежде, чем Герда успела за неё зацепиться. Язык во рту шевельнулся отдельно от воли и рассудка, она услышала собственный голос, плывущий издалека:

— Они прячут её на дне реки... замороженную в лёд и заточенную в огранённый алмаз, что не видно с берега.

Аркадий выпрямился и повернул голову к врачу.

— Вы ничего не перепутали?

Мужчина нервно переступил с ноги на ногу и склонился над кушеткой, вглядываясь в расширенные зрачки Гер-

ды, лихорадочный румянец, проступивший на щеках, в губы, что всё ещё бормотали обрывки бессвязных фраз про подземные дворцы и стеклянные саркофаги. Он взял её за запястье, нащупал пульс, сосчитал удары и нахмурился.

— Пульс в норме, на передозировку не похоже. — произнёс он, обращаясь скорее к себе, чем к Аркадию. — Я развел его даже слабее, чем как для здорового человека. Попробую ещё уменьшить дозу.

Он отсоединил трубку от иглы и заменил пакет с раствором на пакет поменьше. После щелчка, вещество медленнее побежало по трубке.

Аркадий выждал пару минут, наблюдая, как зрачки Герды постепенно сужаются, а лихорадочный румянец сменяется ровной бледностью. Дыхание её выровнялось, губы перестали выплёвывать бессвязный бред и замерли, готовые к новому вопросу. Он наклонился ближе, опершись ладонью о край кушетки.

— Ты знаешь секретные коды от баз сети «Гарант»?

— Да.

— Назови их.

Герда открыла рот, и слова полились свободно. Только вместо кода, девушка начала декламировать размеренные строфы стиха. Она читала его нараспев, чуть покачивая головой в такт. Строки сменяли друг друга, в них говорилось о снежных вихрях и птицах, улетающих на юг.

Аркадий снова повернулся к врачу. На этот раз в его лице

ясно читалось раздражение. Пальцы, лежавшие на краю кушетки, сжались, сминая простыню в тугой комок.

— И что мне стих в терминал вводить?

Врач помолчал, покусывая дужку очков, которые он снял и теперь вертел в пальцах.

— Постойте... Вы же нашли её на месте взрыва?

Аркадий перевёл на него всё тот же непроницаемый взгляд.

— Допустим.

— Так это многое объясняет! От взрывной волны у неё может быть кратковременная амнезия. Контузия, резкий перепад давления и ударная нагрузка на мозг — такое не проходит бесследно.

— Насколько кратковременная?

Врач снова надел очки, поправил их на переносице и заговорил, взвешивая каждое слово.

— Две или три недели. Может, месяц. Точнее сказать сложно, нужно наблюдение. Но судя по тому, что она даже не помнит, как сюда попала, ретроградная амнезия накрыла последние месяцы точно. Возможно, больше. Она искренне не понимает, о чём вы её спрашиваете, и сыворотка тут бессильна. Вытянуть можно только то, что сохранилось, а если память стёрта, то и вытягивать нечего. Вместо ответов мозг выдаёт первое, что подвернётся.

— Что можно сделать, чтобы вернуть память быстрее?

Он сделал короткую паузу и добавил тише, глядя на де-

вушку что вырубилась под действием препарата.

— Или... возможно ли вообще не возвращать память?

Врач снял очки, протёр их краем халата и водрузил обратно. Вопрос не застал его врасплох, но ответ требовал осторожности, и он потратил несколько секунд, выстраивая формулировку.

— Ускорить восстановление можно, но методы грубые. Показывать ей фотографии людей, с которыми она была связана. Водить по знакомым местам. Давать в руки предметы, которые она держала до травмы. Эмоциональные потрясения — самый действенный ключ: страх, гнев, привязанность быстро пробьет амнезию.

Он выдержал паузу и продолжил, понизив голос:

— Что касается второго... Если не трогать память, не будить её намеренно, то провал может остаться навсегда. Мозг заполнит пустоту тем, что осталось: детством, юностью, старыми привязанностями. Новая личность вырастет сама, на пустом фундаменте. Но гарантий никто не даст. Так что решать вам.

Герда

Девушка открыла глаза и уставилась в тот же потолок с лепниной. Препарат выдохся, оставив после себя свинцовую тяжесть в затылке. Во рту стоял металлический привкус, язык работал с трудом, будто его обложили ватой, а перед

глазами всё плавали цветные пятна.

Она смогла свободно двигать запястьями и даже лодыжками. Ремни были сброшены, широкая полоса, что перехлестывала грудь, свисала с кушетки, касаясь пола. При попытке встать, мир немедленно поплыл. Пришлось схватиться за край, вцепившись пальцами в дерматин. Ноги подкосились, и она сползла на ледяной кафельный пол, что пробирал мурашками, сквозь тонкую больничную рубашку. Герда прижалась спиной к кушетке, закрыла глаза и несколько минут просто переживала, пока комната перестанет вращаться. Во рту по-прежнему было сухо и противно. Она попыталась подняться медленнее, перенося вес на руки.

Помещение оказалось не таким уж большим. За ширмой обнаружился письменный стол, заваленный бумагами, пустой стул с продавленным сиденьем и графин с водой. Герда схватила графин обеими руками и плеснула воду в стакан, расплескав половину мимо. Выпила залпом, налила ещё, выпила снова. Вода была комнатной температуры, с лёгким химическим привкусом, но сейчас она казалась вкуснее всего, что Герда пробовала в жизни. Жидкость пролилась в пересохшее горло, и вместе с ней ушла часть дурноты.

Кафель обжигал босые ноги. Она пошарила в ящике медицинского стола, выдвигая их один за другим. В первом лежали пустые ампулы и скомканные упаковки от шприцев. Во втором — металлические лотки, зажимы, пинцеты. В третьем, под ворохом скомканных бинтов, стерильные скальпе-

ли. Одноразовые лезвия, запакованные в плёнку. Герда сорвала упаковку, освободила сталь и, прикинув длину, отрезала от бинта приличный кусок. Плотно обмотала им ступни, стараясь не затягивать слишком туго, чтобы не онемели пальцы. Скальпель сунула в карман больничной рубашки, туда, где его можно было достать одним движением.

Герда подошла ближе к выходу, стараясь ступать бесшумно, и выглянула наружу. На всём протяжении коридора не было видно ни души.

Аркадий

Мужчина вошёл в кабинет и сразу направился к дальней стене, где над картой Радиана висела пробковая доска, утыканная канцелярскими кнопками.

Снимки крепились в два ряда. Верхний — четверо беглецов с Периферии: Влас Коренев, Серёжа Трофимов, Мирослава Ветрова, Герда. Нижний — Лев Соколов и Марк, чьё лицо ещё не успели занести в базу розыска. Фотографии были зернистыми, снятыми камерами наблюдения на автобазе и КПП, но лица читались отчётливо. Аркадий выдернул первую кнопку, снял снимок Герды и положил на стол. За ним последовал Влас, Серёжа, Мира. Кнопки он складывал в горсть, фотографии — аккуратной стопкой, одну поверх другой.

В дверь постучали. Аркадий не обернулся и не остановил-

ся. Пальцы его уже взялись за снимок Льва, когда дверь открылась и в кабинет вошел Киселёв.

— Аркадий Ерофеевич, работы по расчистке завалов после взрыва идут по графику. Пожарные расчёты доложили, что к утру очаги ликвидируют полностью. Патрули прочёсывают прилегающие кварталы на предмет сообщников.

Киселёв осёкся. Он смотрел, как его начальник методично снимает фотографии с доски. Кнопки ложились в ладонь, а снимки собирались в ровную стопку на краю стола.

— Аркадий Ерофеевич, — начал он осторожно, — что вы делаете?

Аркадий снял последнюю фотографию и опустил её поверх остальных. Кнопки ссыпал в ящик стола, сдвинул его до щелчка. Он взял из стопки верхний снимок и протянул Киселёву. С фотографии смотрела Герда, тот снимок с автобазы, где камера поймала её взгляд.

— Неужели никто не пришёл за ней?

Киселёв перевёл взгляд с фотографии на лицо начальника.

— Именно это я и хотел доложить, Аркадий Ерофеевич. Они пробрались через подземные коллекторы. Вышли к самому месту погрузки, открыли огонь, пробили колесо фургона. Но схватить их не удалось. Ушли тем же путём, прежде чем подоспело подкрепление.

Аркадий выслушал молча. Киселёв помялся и, не удержавшись, спросил:

— Зачем она нам вообще?

Мужчина положил снимок обратно в стопку. Глаза его безумно расширились. Киселёв не видел такого ни разу за всё время службы. Он заговорил быстро, мысль требовала немедленной огласки:

— У неё амнезия. Она не помнит ничего из того, что было после падения астероида. Нужно создать новые воспоминания.

Он провёл ладонью по лицу, сбрасывая усталость, и продолжил уже спокойнее, выстраивая мысль:

— Если всё получится, они сами придут за ней. У них теперь одна связка. А здесь их встретит Герда. Девчонка сделает-то что скажу я, сыграет роль.

Он замолчал и посмотрел на Киселёва в упор:

— Ты понял, что нужно сделать. Никаких контактов с внешним миром и лиц, что могут пробудить воспоминания. И ещё, обеспечить её покоем, без потрясений.

— Но что, если память вернётся сама? Такое ведь не удержишь под замком. А если кто-то из этих, — он кивнул на стопку фотографий, — проберётся к ней раньше, чем мы подготовим операцию?

Аркадий выдержал паузу, разглядывая собственные пальцы, всё ещё лежавшие на снимках.

— Поэтому с сегодняшнего дня она не должна видеть никого, кто знал её. Врач будет заходить только в моём присутствии. Охрана сменится полностью. Её переведут в изолиро-

ванный блок, окна выходят во внутренний двор, где не бывает патрулей.

Киселёв кивнул, уже взявшись за ручку двери, но Аркадий остановил его.

— И ещё. Подними всех, кого можно. Прочешите город. Каждый квартал, подвал, склад. У нас есть фора, пока она ничего не помнит, но это не продлится вечно. Если найдете их местоположение, установи наблюдение, ничего не предпринимайте.

— Аркадий Ерофеевич, разрешите вопрос? Простое наблюдение? Они ведь могут сбежать. У нас достаточно людей, чтобы взять их штурмом.

— Сила ничего не даст, — перебил его Аркадий. — наша цель код.

Он откинулся на спинку стула и заговорил медленнее.

— Промоем девчонке мозги. Отныне мы — её единственная защита. Герда должна сама вывести информацию у бывших друзей.

Герда

Девушка кралась по коридору, прижимаясь плечом к стене. Босые ноги, обмотанные бинтами, ступали бесшумно. Она миновала один поворот, второй и уже начала прикидывать, куда ведёт этот коридор, как крупная ладонь легла ей на плечо и без усилий развернула обратно.

Амбал под два метра ростом, в форме гвардейца, загородил проход целиком. Он стоял так близко, что ей пришлось задрать голову, чтобы разглядеть его лицо. Плечи его едва помещались в дверном проёме, из которого он вышел, а руки, сложенные на груди, напоминали две свиные туши. Он посмотрел на неё сверху вниз.

— Далеко собралась? — голос у него оказался неожиданно высоким для такого телосложения.

«Ну и годзилла»

— Мне нужно увидеть Аркадия.

Гвардеец покачал головой, услышав наивную просьбу.

— Для вас он Аркадий Ерофеевич, — отрезал амбал, выдвигая отчество с нажимом.

Герда уже открыла рот, чтобы возразить, как по коридору быстрым шагом прошёл Киселёв. Увидев сцену у поворота, он резко остановился, каблуки щёлкнули по линолеуму. Мужчина бросил короткий взгляд на гвардейца и перевёл его на девушку.

— Идите за мной, я провожу вас в вашу комнату.

Киселёв шёл впереди, задавая темп. В длинной больничной рубашке, девушка едва поспевала. Она обхватила себя за плечи, прогоняя озноб, и окликнула его:

— Может, хоть вы объясните, что происходит? Когда меня выпишут?

Киселёв замедлил шаг. Он обернулся через плечо, окинул её быстрым взглядом.

— Я объясню кратко, если позволите. Вы пролежали в коме много месяцев после аварии.

— Аварии

— Аркадий Ерофеевич возвращался с объезда, машина загорелась. Он не мог выбраться, и вы как самоотверженная гражданка, бросились на помощь. Вытащили его из салона, но, когда отбегали, машина рванула. Вас отбросило взрывной волной. Удар пришелся головой о бетонный отбойник. Чудо, что вообще выжили.

Герда нахмурилась, сиюминутно ухватив ускользающую мысль. Киселёв продолжал, заученным текстом:

— Вы спасли Аркадию Ерофеевичу жизнь.

— Не похоже на меня... — она запнулась на полуслове.

— Кто он вообще такой?

— Глава Совета города, конечно же. Вы не помните, это естественно после травмы.

Коридор свернул, и они вышли в холл. Здесь было светлее, под потолком горела люстра, и Герда наконец разглядела помещение, в котором находилась. Никаких каталог, постов медсестёр, табличек с указателями. Вместо этого тяжёлые портьеры на окнах, паркет, натёртый до блеска, и широкая лестница, уходящая на второй этаж. Бывшая гостиница, перестроенная под резиденцию. Или особняк, каких она никогда не видела вживую.

— Это не больница...

— Разумеется, нет. После того как вы пошли на поправ-

ку, Аркадий Ерофеевич распорядился перевести вас в свои апартаменты. Здесь безопаснее и уход лучше.

Киселёв остановился перед высокой дверью и повернулся к ней. Лицо его оставалось бесстрастным, но доброжелательным.

— Вам не о чем беспокоиться. Он лично оплатил всё лечение. И предлагает вам полное восстановление и проживание здесь, пока вы не встанете на ноги. Считайте это благодеянием за спасённую жизнь.

Герда потёрла висок, пытаясь уложить в голове услышанное. История звучала складной, но в ней не хватало важной части.

— Какое сегодня число?

Киселёв назвал дату. Герда замерла, мысленно отсчитала месяцы.

— Но как же университет? Я должна была приступить к занятиям ещё полгода назад. Мои документы, зачисление, все пропало!

Киселёв покачал головой.

— Никакого университета, к сожалению, больше нет. Полгода назад в Тихий океан упал астероид. Ваш город, как и многие другие, сильно пострадал. Выжившие распределены по трудовым секторам.

Он выдержал короткую паузу, чтобы дать словам осесть:

— Вам повезло, что Аркадий Ерофеевич взял вас под личную опеку. Без него вы бы оказались на Периферии, а там

долго не живут.

Герда задержалась, глядя на него.

«Ловко он сочиняет на ходу.»

Она не стала спорить или пытаться разгадать его. Просто развернулась и побежала дальше по коридору, туда, где в дальнем конце угадывалось высокое окно, залитое серым дневным светом. Киселёв не пытался остановить её. Босые ноги в бинтах скользили по паркету, больничная рубашка путалась в ногах, но Герда не сбавляла шага, пока не добежала до подоконника.

Девушка схватилась за раму обеими руками.

За окном лежал мёртвый город. Серое небо без единого просвета нависало над руинами, уходящими вдаль насколько хватало глаз. Остовы зданий торчали из снега чёрными рёбрами. В неестественной тишине, глазницы пустых окон смотрели в ответ. Ни одной машины или прохожего. Одинокий ветер гонял позёмку по мёртвым улицам, вдалеке, на границе видимости, темнели фигуры в серых шинелях, медленно обходящие периметр.

Киселёв подошёл и встал у неё за спиной.

— Ударная зима по ощущениям длится уже вечность. Астероид поднял в стратосферу миллионы тонн пепла. Солнце не может пробиться. Температура падает, и конца этому пока не видно. Мы делаем всё возможное, но город... вы сами видите.

Его пояснения, пролетали мимо, как снежная крупа за ок-

ном. В голове крутилось одно-единственное слово, что ранее вскользь упомянул мужчина.

Периферия.

Периферия.

Периферия.

Оно повторялось снова и снова, обгоревшие дома ей будто знакомы.

Киселёв откашлялся в кулак и, не дав больше всматриваться в пейзаж, мягко положил ладонь ей на спину.

— Врач велел вам отдыхать.

Он отвёл её от окна и повёл в комнату.

Серёжа

Серёжа метался по общему помещению, заложив руки за спину. Четыре шага в одну сторону, разворот, обратно. Так он проходил уже час.

Мира сидела на стуле у дальней стены, поджав ноги под себя. Она смотрела в одну точку перед собой, туда, где на стене висела старая пробковая доска с никому не нужными списками. Глаза её покраснели и заплалили, но слёзы кончились, оставив после себя стеклянное оцепенение. Её пальцы время от времени тербли край ворота, в месте, где поблёскивала серебряная ласточка.

В дальнем конце зала, в месте, где оборудован стрелковый рубеж, монотонно хлопали выстрелы. Влас стоял напротив трёх мешков с опилками, на которых чёрной краской были намалёваны грубые силуэты, и вколачивал в них пулю за пулей. Десять качков насоса, выстрел, снова десять качков. Мешки уже превратились в лохмотья, опилки сыпались на пол серой трухой, но он продолжал.

Серёжа остановился, проводил друга взглядом:

— Влас, ну может присядешь хоть? На манекенах уже живого места нет.

Влас будто в трансе. Десять качков, выстрел. Пуля вошла в то, что когда-то было головой крайнего мешка. Серёжа тяжело вздохнул, потоптался на месте и двинулся к Мире. Он присел перед ней на корточки, загоротив собой пробковую доску, и осторожно тронул её за колено.

— Мир, ты меня слышишь? Может, чаю попьем? Или поешь чего, а?

Она даже не моргнула. Серёжа заглянул ей в лицо и осёкся. Её глаза, всегда живые и насмешливые, напоминали два высохших колодца. Девушка сидела в ступоре, отключившись от всего, что происходило вокруг.

Серёжа потоптался на месте и направился к кабинету Якова. Дверь была прикрыта неплотно, из щели пробивалась полоска жёлтого света, и оттуда доносились голоса. Он встал сбоку, прислонился плечом к холодной стене и затаил дыхание.

Первым говорил Лев.

— Подключай своих людей, Яков. Дай вездеход. Стянем всех, кто способен держать оружие, и ударим по Ядру, пока Аркадий думает, что мы зализываем раны. Нужно действовать сейчас, пока они разбирают завалы.

Повисла пауза. Серёжа представил, как Марк стоит у стены, скрестив руки на груди, и молча качает головой:

— Лев, ты сам на себя не похож. Откуда истерика? У них гарнизон втрое больше. Мы положим всех, кого приведём с собой, и не дойдём даже до внутреннего периметра.

— Тогда как мы вчетвером умудрились пробраться в пекло? Неужели вы...

Лев, не успев договорить, как его перебил Марк:

— Внезапность, Лев. Сейчас Аркадий уже расставил там людей. Мы не пройдем тем же путем.

В тишину врезался скрипучий голос Якова:

— Машину я вам не дам. И так ушло столько топлива на ваши поездки туда-сюда, что хоть скважину бури. Люди мне самому нужны, мы ослаблены, как никогда. Половина моих ребят на КПП ошиваются, изображая патрульных, чтобы не вызвать подозрений. Вторая половина склад охраняет. Сниму их — и Аркадий узнает об этом раньше, чем вы дойдёте до первого шлюза. Кто тогда прикроет склад?

Лев заговорил тише, но от этого его голос прозвучал весомее:

— Вы видели, что они сделали с Еленой!? Пальцы на но-

гах сломаны в нескольких местах, неизвестно сможет ли она встать без костылей. Рёбра треснуты, лёгкое чудом не пробито. Ожоги на спине и бёдрах. И это только то, что мы увидели, а что у неё внутри, не знает никто!

Он перевёл дыхание и продолжил:

— Она одна из сильнейших женщин, что я встречал. И посмотрите на неё сейчас. Страшно представить, что они сделают с ослабленной девушкой... Нельзя оставлять её рядом с ним.

Яков старался отвечать максимально кратко.

— Девчонка не пропадёт.

Лев сжался, как пружина, и ударил кулаком по столу. Грохот прокатился по кабинету и замер в тишине. Но Яков был непреклонен и не изменил тона.

— Всё это нужно обговорить с Еленой. Когда она очнётся. Не раньше.

Когда все разошлись от Якова, Серёжа ещё некоторое время стоял у дверей кабинета, провожая взглядом ребят.

Влас ушёл к себе сразу. Мира тоже отказалась от разговора, сославшись на усталость. Серёжа остался один посреди пустого коридора. Лев вышел последним и тоже растворился в непонятном направлении.

Серёжа подумал пару минут и решил пойти следом. В конце концов, Лев не прогнал бы его сразу. Он нашёл Льва в крошечном подсобном помещении без окон. Тот сидел за столом, подперев голову рукой, и выстукивал огрызком каран-

даша по столешнице ровный ритм.

Серёжа прикрыл за собой дверь.

— Ты чего тут?

Лев не сразу оторвал взгляд от стола.

— Хотел побыть один.

— Тогда побудем одни, вместе?

Лев ничего не ответил, и Серёжа принял это за согласие.

— Почему Аркадий вообще всё это делает? Ну серьёзно. Неужели ему не будет лучше, когда всё образуется? Мы ведь не враги ему, просто хотим, чтобы этот кошмар кончился. Он же не дурак, должен понимать, что так нельзя вечно.

Лев перестал выстукивать ритм. Карандаш замер в его пальцах.

— Не знаю.

Серёжа ожидал от него большей многословности.

— Ему не хочется снова в тёплый мир? — не унимался Серёжа. — Увидеть зелень. Небо голубое, а не это серое мессиво.

Лев поднял голову и впился взглядом в парня.

— Ты хочешь понять человека, что сжёл свой собственный дом. Ему нужно, чтобы мир был таким, каким ОН его придумал.

— И что?

Лев покачал головой.

— Его власть держится не на нескольких столпах. Если эти опоры рухнут, править ему будет нечем и незачем.

Он выставил руку и начал загибать пальцы.

— Первое. Люди подчиняются, потому что боятся, но страх — топливо недолговечное. Когда аэростаты взлетят и солнце пробьётся, люди увидят, что мир может быть не ледяным адом, где каждый боится соседа. Страх ослабнет, а вместе с ним ослабнет и власть.

Он загнул второй палец.

— Дефицит. Аркадий правит через распределение. Пайки, талоны, очереди — все его инструмент.

Третий палец.

— Ложь. Культ Солнца, Устои, сумеречники — конструкция, построенная на обмане. Когда правда вскроется он потеряет даже тех, кто верил ему искренне и станет не пророком, а шарлатаном.

Четвёртый палец.

— Одиночество. Он правит один. Когда система рухнет, никто не встанет на его защиту.

Он загнул пятый палец и посмотрел на сжатый кулак.

— Альтернатива. Елена и группа предлагают другой путь: сети и сотрудничество. Пепел осядет и королевство рассыпется.

Он разжал кулак и положил ладонь на стол.

— Теплый мир не оставит ему места. Он это знает и будет драться до конца.

— Я всё равно не понимаю. Как что-то настолько абстрактное, как власть, может быть важнее самой жизни?

Герда

Киселёв распахнул дверь и отступил в сторону, пропуская вперёд.

Комната оказалась небольшой, но светлой. Окно во всю стену выходило во внутренний двор, занесённый снегом, и серый дневной свет заливал помещение спокойным потоком. У стены стояла одноместная кровать, застеленная чистым бельём без единой складки. Рядом туалетный столик с овальным зеркалом в деревянной раме, а на нём щётка для волос с серебряной ручкой и маленький колокольчик. В углу разместили платяной шкаф с приоткрытой дверцей, откуда выглядывал край одежды.

Герда подошла ближе и тронула ткань. Платье цвета слоновой кости, мягкое, из дорогого трикотажа, и поверх него тонкая вязаная накидка. Она провела пальцами по кружевному рукаву.

«Я надеюсь, меня не замуж выдают»

— Располагайтесь, — произнёс Киселёв, останавливаясь у двери. — Если что-то понадобится, Ратмир придет по первому звону колокола.

— Ратмир?

— Гвардеец, с которым вы вели беседу. Он будет дежурить снаружи. Так что не беспокойтесь ни о чём.

«До этого момента не беспокоилась»

Киселёв поспешно вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь. Замок щёлкнул, но она не была заперта. Герда осталась одна посреди комнаты, что показалась не убежищем, а позолоченной клеткой.

Она посмотрела на платье, не решаясь его надеть.

Не так Герда себе представляла путешествие за границу. Что на счет лекций в огромных аудиториях? Где пахнет мелом, деревом и старыми книгами. Крошечная съёмная квартира с видом на чужой город, который она собиралась изучить вдоль и поперёк. Первые знакомства, неловкие и многообещающие, студенческие вечеринки, где она стояла бы у стены с бокалом и гадала, заговорит ли с ней кто-нибудь. Она мечтала об этом, планировала, считала дни до вылета. И вот она за границей. Город за окном лежит в руинах, вместо аудитории — до неприличия голая комната, а заменой весёлой студенческой компании стал амбал по имени Ратмир, дежурящий за дверью.

Герда усмехнулась про себя и остановилась у зеркала. Она подняла глаза и тут же отдёрнулась, будто увидела в отражении пугало.

Медленнее подошла, заставляя себя смотреть. Измождена до крайности. Щёки исчезли, уступив место впадинам с глубокими тенями. Под глазами набрякли синяки. На левой скуле расплывался зеленоватый кровоподтёк, спускавшийся к подбородку. Плечо ныло при каждом движении, а под больничной рубашкой угадывались новые синяки и старые

рубцы, которых она не помнила.

«Меня как будто отпинали толпой, вместо лечения. Глава Совета не смог назначить нормального врача. Тогда как он заботится о городе?»

Она подняла руку и осторожно коснулась виска. В месте, где волосы были заметно короче остальных, кожа загрубела на ощупь.

«Замечательно и клочок волос выдрали, как сорняк из грядки. Красавица. Точно на выданье.»

Пальцы замерли на этом месте, и Герда долго стояла неподвижно, глядя в глаза отражению. Но вскоре отлипла, сняла платье с вешалки и положила на кровать. Ткань мягко сползлась складками, рукава расправились. Герда постояла над ним, скрестив руки на груди. Красивая вещь.

Она отвернулась и снова открыла шкаф, надеясь найти одежду поудобнее. Брюки. Свитер, что угодно. Но полки оказались пусты, однако внизу лежали мягкие домашние туфли.

«Спасибо, не каблук»

Герда выдохнула и стянула через голову больничную рубашку. Платье скользнуло по коже прохладным шёлком подкладки. Она накинула сверху вязаную накидку не решаясь поднять глаза на отражение.

Обхватила плечи ладонями. Холод в помещении стоял в воздухе плотной стеной, забирался под платье, лип к коже. Герда подошла к окну и прижала ладонь к стеклу, но тут же отдернула её. Ледяное стекло, как металл на морозе. Вытя-

гивало тепло мгновенно, оставляя на коже белый след.

Что же творится снаружи?

Герда подошла к двери и осторожно приоткрыла её, выглядывая в коридор. Она даже не успела сделать шаг. Ратмир материализовался рядом мгновенно, будто сооткался из теней, отлепившись от стены, к которой только что прислонялся. Теперь он стоял в проёме, загородив собой всё пространство, и смотрел на неё сверху вниз всё с тем же непроливаемым выражением.

— Могу я пройти по гостинице?

Ратмир моргнул. Ответил он не сразу, будто обдумывал каждое слово отдельно:

— В этом нет срочной надобности. Все помещения идентичные. Кроме обеденного зала. Но Аркадий Ерофеевич позовёт, когда наступит время.

Он не добавил «вам нельзя» или «это запрещено». Но смысл был именно таков. Герда поняла, что спорить бесполезно. Но, может, его можно разговорить?

— Ратмир. А вы давно здесь служите?

Тишина.

— Вы местный? Или вас привезли откуда-то?

Он смотрел на неё всё с тем же каменным выражением.

«Вот экспонат...»

— Вы вообще умеете разговаривать?

— Мне запрещено говорить о личном.

Он просто стоял и ждал, когда она закончит. Непробива-

емое равнодушие возмутило её больше, чем любой грубый ответ.

Герда выдохнула, взяла себя в руки и сменила тактику.

— Хорошо. Я прошу, можете сделать милость и принести какую-нибудь тетрадь, ручку. И книги, если есть. Раз уж мне нельзя выходить, хотя бы почитаю или займусь чем-нибудь, пока коротаю время до ужина. Это ведь не запрещено?

Ратмир чуть заметно прикрыл веки, что у него, видимо, означало согласие.

— Хорошо, — произнёс он наконец. — Я сообщу помощнику, как закончится смена.

Герда всплеснула руками.

— А раньше никак не получится? Мне просто нужна тетрадь и ручка. Неужели так сложно принести их сейчас?

Он снова замолчал. Просто стоял и ждал, когда она закроет дверь. Она резко захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной. В коридоре снова тишина.

До вечера она решила ни о чём не думать. Просто лечь и дать телу забыться. Стягивать платье не стала, не было энергии даже на такое малое усилие. Забралась под одеяло прямо в нём, чувствуя, как тонкая шерсть накидки согревается от тепла её собственного тела. Сон навалился мгновенно. Мозг, измотанный до предела, не стал тратить силы на развлечение хозяйки, ни обрывков прошлого или бессвязных фантазий, просто врубил чёрный экран.

Проснулась она от стука. Три коротких удара без преду-

предительной паузы, какую выдерживает человек, не уверенный, стоит ли беспокоить. Герда села на кровати, прислушиваясь к тишине за дверью. Звук приближающихся шагов всегда просачивается в сон и будит раньше, чем стук в дверь. Но на этот раз она не слышала ничего, будто Ратмир никуда не уходил.

Она подошла к зеркалу, провела пальцами по волосам, убирая спутанные пряди с лица. Щёки всё ещё отливали бледностью, но в глазах появилась осмысленность, чего не было утром. И все равно выглядела так, будто её вытащили из-под завала и наспех привели в порядок.

Когда она открыла дверь, Ратмир стоял на прежнем месте. Ничего не сказав, просто развернулся и зашагал по коридору. Герда мысленно озвучила его:

«Ужин готов, Аркадий ждёт, прошу за мной»

Получилось, как у дворцового из старых фильмов.

«Я что прокаженная? Даже отец был, разговорчивее.»

Они вошли в просторное помещение, не столовая в привычном понимании, а скорее малый банкетный зал, уцелевший от прежней жизни гостиницы. Высокий потолок с лепными розетками, тяжёлые портьеры из тёмно-бордового бархата, прихваченные по бокам золотыми шнурами. Вдоль стен тянулись дубовые панели, потемневшие от времени, но всё ещё хранящие благородный блеск лака. Паркет под ногами был натёрт до зеркального сияния, и в нём отражались огоньки свечей, расставленных по всему залу.

Стол накрыли на двоих. Белая скатерть, тяжёлые столовые приборы с вензелями, две фарфоровые тарелки с тонким золотым ободком. В центре, в низкой хрустальной вазе, увядали несколько засушенных цветов — видимо, единственные, что удалось найти. Свечи в массивных серебряных подсвечниках отбрасывали дрожащий свет на стены, и тени от них колыхались, как живые.

Герда опустилась на стул с высокой резной спинкой и оглядела всё это великолепие с чувством неловкости. Всё это походило на романтический ужин. Не хватало только скрипача в углу.

«Красиво, а еда-то где?»

Аркадий, без сопровождения, вошёл через несколько минут. Легко отворил дверь и шагнул в зал так, будто весь мрак и позолота принадлежали ему по праву рождения. Он переоделся к ужину: тёмные брюки, светлая рубашка, ворот расстёгнут всё на ту же одну пуговицу. Никакой помпезности, лишь подчёркнутая аккуратность.

Аркадий опустился на стул напротив, расправил салфетку и только после заговорил:

— Я не успел поблагодарить вас. За то, что вы сделали тогда, на трассе.

Герда подняла глаза от пустой тарелки.

— Вы рисковали жизнью ради человека, которого даже не знали. Это говорит о вас очень многое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.